

И.С. ТУРГЕНЕВ И А.Н. ОСТРОВСКИЙ

Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, y.v.lebedev@yandex.ru

Аннотация. В начале 1850-х гг. петербургские литераторы-западники, близкие к Некрасовскому «Современнику», решили привлечь к сотрудничеству А.Н. Островского. В их кругу наиболее терпимую позицию к славянофилам «молодой редакции» «Москвитянина» занимал И.С. Тургенев, посетивший драматурга в Москве в январе 1855 г. В то же время Островский в лице Тургенева столкнулся с серьёзным конкурентом. Тургенев не без основания претендовал тогда на обновление и обогащение русского театрального репертуара. Однако Тургенев-драматург не выдержал конкуренции, оставил работу над пьесами и признал приоритет Островского. В период создания национального репертуара наша драматургия нуждалась в произведениях общерусского звучания, глубоко погружённых в народную культуру. Утончённая драматургия Тургенева вынуждена была уступить первенство более демократичной и национально укоренённой драматургии Островского. В статье раскрывается скрытый спор Островского с Тургеневым в комедии «Бедная невеста» и рассматриваются полемические отклики Тургенева на этот спор в комедии «Где тонко – там и рвётся» и в повести «Переписка». В отличие от Островского Тургенев поэтизировал одухотворённую и бесплотную влюблённость, чистую и возвышенную, но беспредельно далёкую от семейных радостей и забот. Не принимал Тургенев в драматургии Островского идеализацию купеческого быта и пародийно-сатирическое изображение русского дворянства. Он считал, что «роль образованного класса в России – быть передателем цивилизации народу». Глубинный демократизм творчества Островского казался Тургеневу ограниченным. Отсюда он очень высоко ценил язык национального драматурга, но часто сетовал на скудость содержания его пьес. В то же время Тургенев активно стремился познакомить с творчеством Островского западноевропейского читателя, привлекая к переводам его драм англичанина Рольстона и француза Э. Дюрана.

Ключевые слова: славянофилы, западники, пьесы-сцены, пьесы-пословицы, психологические драмы, национальный репертуар, гоголевское направление, натуральная школа.

Для цитирования: Лебедев Ю.В. И.С. Тургенев и А.Н. Островский // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № S. С. 26–35. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-26-35>

Research Article

I.S. TURGENEV AND A.N. OSTROVSKY

Yuriy V. Lebedev, DSc in Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Kostroma State University, Kostroma, Russia, y.v.lebedev@yandex.ru

Abstract. In the early 1850s St. Petersburg writers-Westerners, close to Nekrasov's *Sovremennik*, decided to involve A.N. Ostrovsky. In their circle, I.S. Turgenev, who visited the playwright in Moscow in January 1855. At the same time, Ostrovsky, represented by Turgenev, faced a serious competitor. Turgenev, not without reason, then claimed to renew and enrich the Russian theatrical repertoire. However, Turgenev the playwright could not stand the competition, left work on plays and recognized Ostrovsky's priority. During the period of creating the national repertoire, our dramaturgy needed works of all-Russian sound, deeply immersed in folk culture. The refined dramaturgy of Turgenev was forced to give way to the more democratic and nationally rooted dramaturgy of Ostrovsky. The article reveals the hidden dispute between Ostrovsky and Turgenev in the comedy "The Poor Bride" and examines Turgenev's polemical responses to this dispute in the comedy "Where it is thin – there it breaks" and in the story "Correspondence". Unlike Ostrovsky, Turgenev poeticized spiritualized and incorporeal love, pure and sublime, but infinitely far from family joys and worries. Turgenev did not accept in Ostrovsky's dramaturgy the idealization of merchant life and the parodic and satirical depiction of the Russian nobility. He believed that "the role of the educated class in Russia is to be the transmitter of civilization to the people". The deep democratism of Ostrovsky's work seemed limited to Turgenev. Hence, he highly appreciated the language of the national playwright, but often complained about the paucity of the content of his plays. At the same time, Turgenev actively sought to acquaint the Western European reader with the work of Ostrovsky, involving the Englishman Ralston and the Frenchman E. Durand in the translations of his dramas.

Keywords: Slavophiles, Westernizers, stage plays, proverb plays, psychological dramas, national repertoire, Gogol's direction, natural school.

For citation: Lebedev Y.V. I.S. Turgenev and A.N. Ostrovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № S, pp. 26–35 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-26-35>

В начале 1850-х гг. петербургские литераторы-западники, близкие к некрасовскому «Современнику», решили привлечь к сотрудничеству Островского. В их кругу наиболее терпимую позицию к славянофилам «молодой редакции» «Москвитянина» занимал Тургенев. В январе 1855 г. ему и доверили «миссионерский» визит к Островскому.

Когда Тургенев вступил в прихожую неказистого деревянного домика у церкви Николы в Воробине, всполошился дворник Иван Михайлов, вбежал к хозяину с испуганным лицом: «Батюшка-отец! Александр Николаевич! Там внизу большой барин просится к тебе пройти, – Тургеневым сказывается. Пущать ли?»

Неожиданное посещение Тургенева у приятелей Островского, оказавшихся в тот момент в его гостеприимном доме, произвело замешательство. Сконфузился и сам хозяин, застёгивая ворот коротенькой поддёвки, стыдливо оглядываясь на простоту своей повседневной обстановки. Она не совсем соответствовала вкусу, не отвечала достойному приёму такого гостя, который был и богатым человеком, и аристократом, и передовым после Гоголя писателем [Максимов: 129–130].

Однако вскоре смущение прошло. Радушной, приветливой, остроумной беседой Тургенев всех покорил и очаровал. Ведь он не случайно слыл мастером устного рассказа. Молодой актёр И.Ф. Горбунов одарил в ответ петербургского гостя тостом от лица слабоумного генерала Дитятинина. Тургенев не мог не оценить искромётный талант этого импровизатора. «Тост» в честь автора «Записок охотника» вызвал дружный смех и у самого гостя, и у хозяев весёлого застолья. Казалась, что пропасть между западниками и славянофилами была этой встречей засыпана.

Вернувшись в Петербург, Тургенев сообщал в письме к Островскому от 10 (22) февраля 1855 года: «Теперь же, по поручению редакторов “Современника”, обращаюсь к Вам с вопросом: не хотите ли Вы поместить Вашу последнюю комедию у них в журнале – они примут её с радостью и предлагают Вам за неё 250 рублей серебром. Если Вы согласитесь, то можете выслать её на моё имя – и поскорее – потому что они хотели бы поместить её в мартовской книге» [Тургенев. Письма 2: 257].

Польщённый тёплым московским приёмом, Тургенев взял на себя хлопоты по определению Горбунова в Александринский театр. Они увенчались успехом: с 1856 г. Горбунов был включён в труппу Александринского театра, где и числился до конца своей жизни.

С Островским же всё получилось сложнее. Последнюю пьесу «Не так живи, как хочется» он в «Современник» не отдал, потому что в майском номере за 1854 г. Чернышевский опубликовал разгромную рецензию на его комедию «Бедность не порок». Сближение Островского с редакцией этого журнала произошло позднее, в феврале 1856 г. Оно ознаменовалось заключением «обязательного соглашения», согласно которому за дополнительное вознаграждение все новые произведения Островский обязывался публиковать в «Современнике». Это соглашение было рассчитано на срок до четырёх лет, но просуществовало оно лишь до 1858 г.

При всех благоприятных для такого сближения обстоятельствах не следует забывать, что в начале творческого пути Островский в лице Тургенева столкнулся с серьёзным конкурентом. Тургенев не без основания претендовал на обновление и обогащение русского театрального репертуара. Параллельно с «Записками охотника», опережая Островского, он создаёт цикл пьес: «Где тонко – там и рвётся» («Современник», 1848, № 11), «Нахлебник» (1848), «Холостяк» («Отечественные записки», 1849, № 9), «Завтрак у предводителя» (1849; несколько лет находилась под запретом; впервые опубликована в журнале «Современник», 1856, № 8), «Месяц в деревне» («Современник», 1855, № 1), «Провинциалка» («Отечественные записки», 1851, № 1), «Разговор на большой дороге. Сцена» (1850), «Вечер в Сорренте» (1852).

Именно Тургенев ввёл в репертуар отечественного театра жанры пьесы-сцены, пьесы-пословицы, психологической драмы, которые укоренились потом и в творчестве Островского. Однако в 1850-е гг. Тургенев-драматург, при всех своих амбициях, не выдержал конкуренции. Он сознательно оставил работу над пьесами и, признав приоритет Островского, замолчал. Почему это произошло?

Дело в том, что театральное искусство в высшей степени демократично. Его колыбелью является площадь, у его истоков лежит народный мир. «Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы, – утверждал Островский. – Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии – для всего народа; драматические писатели должны всегда это помнить, они должны быть ясны и сильны. Эта близость к народу несколько не унижает драматической поэзии, а напротив, удваивает её силы и не даёт ей опошлиться и измельчать» [Островский 10: 139].

Наша литература в период создания своего национального репертуара нуждалась в произведениях общерусского звучания, глубоко погружённых в народную культуру. Утончённая драматургия Тургенева испытала в середине XIX в. правоту пословицы, избранной в заглавие его комедии: «Где тонко – там и рвётся». Она вынуждена была уступить первенство более демократичной и национально укоренённой драматургии Островского.

Только на рубеже XIX–XX вв. пьесы Тургенева вышли из забвения и обрели успешную сценическую жизнь. Оказалось, что, опережая время, Тургенев прокладывал в них пути к «новой драме» чеховского типа. Суть её заключалась в ослаблении сюжетного действия, в тщательной разработке психологической стороны интриги, в отказе от внешних сценических эффектов. «Тонкие любовные кружева, которые так мастерски плетёт Тургенев, потребовали от актёров особой игры, которая позволяла бы зрителю любоваться причудливыми узорами психологии любящих, страдающих и ревнующих сердец» [Станиславский 1: 325–326].

Однако в творческом пути Тургенева его пьесы оказались проходными произведениями на пути к ёмкой форме романа. Писатель овладевал в них искусством «тайной» психологии. Внутренний мир в его пьесах раскрывался без прямого вмешательства автора через поступки, жесты, словесные поединки между героями. Лишь в преддверии русского декаданса забытые тургеневские драмы вошли в репертуар многих наших театров.

Что же касается современников Тургенева, то у них его сценическая утончённость, интеллектуальная изысканность вызывали, как правило, решительное отторжение. А.С. Суворин иронически оценивал пьесу «Месяц в деревне», главным героем которой оказалась «барыня, скучающая и млеющая, влюбляющаяся то платонически, то совсем не платонически и в течение пяти актов болтающая о прелестях любви и ставящая перед собою вопрос: изменить мужу или не изменить»¹.

К «фальшивому роду» отнёс тургеневскую «Провинциалку» Аполлон Григорьев. Он включил её в ряд *пословиц в действии*, «которые так легко пишутся французами. Пусть их и пишут эти салонные эфемерные пьесы, в которых остроумие, хороший тон да пустой разговор играют главную роль; г. Тургеневу, так хорошо начавшему знакомить нас с русскою жизнью, не следовало бы уклоняться от начатого им дела ради угождения испорченному вкусу некоторой части публики»².

В творческий диалог с Тургеньевым вступил и сам Островский в комедии «Бедная невеста». Почувствовав полемические выпады в свой адрес, Тургенев решил не оставлять их без ответа. В мартовском номере

журнала «Современник» за 1852 г. он опубликовал рецензию «Несколько слов о новой комедии г. Островского “Бедная невеста”». Рецензия эта была достаточно суровой и заканчивалась пожеланием «выпутаться из тех сетей, которые он [Островский] сам наложил на свой талант... Да осуществляются в нём наши надежды! Они не слишком радостны, не слишком сильны» [Тургенев. Сочинения 5: 396, 515].

Полагают, что полемический тон этой рецензии связан с желанием Тургенева охладить неумеренные восторги Аполлона Григорьева [Назарова: 118], который выступил в «Москвитянине» с циклом статей под названием «Русская литература в 1851 году». Григорьев утверждал, что гоголевская традиция в истории русской литературы исчерпала себя в творчестве писателей натуральной школы, что на смену ей должен прийти другой писатель, призванный создать новое направление в литературном процессе. И такого писателя Григорьев был склонен видеть в Островском. Последнюю, четвёртую статью своего обзора «Русская литература в 1851 году», опубликованную в февральском номере журнала «Москвитянин» за 1852 год, Григорьев завершал так: «От кого именно ждём мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: “Бедная невеста” предстоит суду публики...» [Григорьев 1876: 44].

Предположение, что Тургенев в своей рецензии спорил не столько с Островским, сколько с его интерпретаторами, как будто бы подтверждалось и другими фактами. При подготовке «Собрания сочинений» 1880 г. Тургенев снял в рецензии заключительную фразу о том, что творчество Островского не внушает больших надежд, а в подстрочном примечании написал: «Считаю нужным предупредить читателей, что, пробежав настоящую статейку о “Бедной невесте”, писанную чуть не тридцать лет тому назад, я было раздумал её перепечатать – и помещаю её теперь скорее с целью самобичевания. Нечего говорить, что моя оценка “Бедной невесты”, одного из лучших произведений нашего знаменитого драматурга, оказывается неверной, хотя некоторые отдельные замечания, быть может, и не лишены справедливости. Как известно, А.Н. Островский посрамил мои опасения и более нежели оправдал мои надежды» [Тургенев. Сочинения 5: 387].

И всё же в таком объяснении есть доля авторского лукавства. Почему бы не указать читателям, какие именно «замечания» в давно написанной статье «не лишены справедливости»? Почему сохранились они спустя тридцать лет? В чём, наконец, смысл этих «справедливых» замечаний и претензий Тургенева к драматургии Островского?

На эти вопросы Тургенев ответил не прямо, а косвенно. В романе «Новь» (1876) Нежданов, «горячий поклонник Островского», «при всём уважении к та-

ланту, выказанному автором в комедии “Не в свои сани не садись”, не мог одобрить в ней явное желание унижить цивилизацию в карикатурном лице Вихорева» [Тургенев. Сочинения 12: 23].

«Унизить цивилизацию» – ведь это значило посягнуть на символ веры Тургенева. Устами Потугина в романе «Дым» Тургенев говорил: «Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, – цивилизации – да, да, это слово ещё лучше, – и люблю её всем сердцем, и верю в неё, и другой веры у меня нет и не будет» [Тургенев. Сочинения 9: 173].

Стремление «унизить цивилизацию» Тургенев почувствовал уже в «Бедной невесте» Островского. Статья о ней дипломатично доброжелательна. Тургенев признаёт талант Островского, но лишь как автора комедии «Свои люди – сочтёмся!» Именно в ней Тургенев видит будущие надежды на Островского-драматурга, определившего свой творческий путь в гоголевском направлении. Что же касается «Бедной невесты», то она, по Тургеневу, этих надежд «не оправдала».

Всё, что сказано им о «Бедной невесте», проникнуто завуалированным, но достаточно ощутимым чувством личного раздражения. И дело тут не только в неприятии Тургеневым статьи Ап. Григорьева, но ещё и в чём-то другом.

В.Я. Лакшин заметил, что в «петербургском фразёре Зориче (потом он назван Меричем), которому ничего не стоит вскружить голову молоденькой девушке, Островскому хотелось скомпрометировать фальшивую романтическую позу, опозорить её с точки зрения жизни, разума, здравого смысла. Мерич – это выдохшийся, измельчавший лермонтовский герой Грушницкий, подражающий Печорину» [Лакшин: 193–194].

Однако Лакшин не замечает, что насмешливые выпады по адресу печоринского типа сменились в беловом варианте комедии иными и не менее резкими выпадами, но по другому адресу. Мерич предлагает Марье Андреевне свой дневник: «В следующий раз я тебе принесу свой дневник, мы его почитаем вместе...» [Островский 1: 235–236]. А потом Хорьков говорит Милашину: «Чудак этот Мерич! Мне случайно попала тетрадка из его дневника...» (Курсив мой. – Ю. Л.). [Островский 1: 216–217].

Кажется, никто не обратил внимания, что даже фабула «Бедной невесты» перекликается с повестью Тургенева «Дневник лишнего человека», впервые опубликованной в апрельском номере журнала «Отечественные записки» за 1850 г. Семью провинциального чиновника Ожогина с дочерью Лизой, девушкой кроткого нрава, наивной и доверчивой, осаждают два искусителя женских сердец – москвич Чулкатурин,

от лица которого написан «Дневник», и более удачливый соперник его, князь Н. из Петербурга. Диалог между этими героями напоминает столкновение между Милашиным и Меричем в пьесе Островского. Обманутая князем Н. в своих лучших надеждах, тургеневская Лиза выходит замуж за провинциального чиновника Бизьмёнкова. Подобно Лизе, Марья Андреевна у Островского решается на брак с нелюбимым человеком, чиновником Беневоленским.

Монологи Милашина в «Бедной невесте» пародийно «перепевают» размышления Чулкатурина, главного героя «Дневника лишнего человека». «Меня щадили, как больного: я это видел, – анализирует своё душевное состояние Чулкатурин. – Я каждое утро принимал новое, окончательное решение, большую часть мучительно высиженное в течение бессонной ночи: я то собирался объясниться с Лизой, дать ей дружеский совет... <...> то я вдруг великодушно приносил всего себя в жертву, благословлял Лизу на счастливую любовь...» [Тургенев. Сочинения 5: 205].

Тонкие переживания тургеневского героя Островский переводит на язык бесхитростной правды. Его Милашин говорит: «Да из чего ж я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать внимания. Но, однако же, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: “У вас теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; но вы теряете друга, который был вам предан”. Она, конечно, будет меня уговаривать, а я ей: “Нет, скажу, коли у вас есть лучше, так уж что же мне здесь делать; может быть, я вам уж надоел; прощайте, скажу... навсегда”. – “Но зачем же навсегда, Иван Иванович?” – “Нет, скажу, если прощаться, так навсегда, у меня такой характер”. Взять шляпу и уйти...» [Островский 1: 205].

«Перепевает» Островский даже отдельные детали тургеневской повести:

Чулкатурин у Тургенева: «Походив некоторое время по зале, я наконец остановился перед зеркалом, достал из кармана гребешок, придал моим волосам живописную небрежность и, как это иногда случается, внезапно углубился в созерцание моего собственного лица» [Тургенев. Сочинения. 5: 199].

Милашин у Островского: «Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы один взгляд! Это ужасно досадно. Или лицо у меня не так выразительно, что ли? Мне хотелось бы, чтобы лицо моё выражало теперь самую глубокую скорбь. (Смотрит в зеркало.) Фу, какое глупое выражение... смешное даже! Нет, пусть же она заметит злую иронию в моих глазах. (Смотрит в зеркало.) А если она не захочет заметить...» [Островский 1: 272–273].

О том, как была встречена повесть «Дневник лишнего человека» Островским и его приятелями, можно судить по письму Е.М. Феоктистова к Тургеневу от 21 февраля 1851 года из Москвы: «Я чи-

тал у неё [у гр. Ростопчиной. – Ю. Л.] Ваш “Дневник лишнего человека” – было человек пять или шесть, не более, в том числе Островский и Писемский. <...> Повесть очень понравилась, но, разумеется, тотчас же подверглась критике со всевозможных сторон. Без сомнения, при этом благоприятном случае, упрекали её в недостатке художественности – именно говорили, что за островами г. Чулкатурина беспрестанно видны Вы сами, – что вообще господин вроде лишнего человека не может так говорить и острить в некоторых случаях, как Вы его заставляете. Посреди многого весьма дикого – так, например, Островский уверял, что в Вашей повести видно “неуважение к искусству”, – было сказано однако довольно много верных и ловких замечаний. Но всё-таки повесть всем ужасно понравилась и даже Островский хвалил сквозь зубы» [Тургенев. Сочинения 5: 583].

Этот упрек Островского в недостатке художественности Тургенев возвратил драматургу в своей рецензии на «Бедную невесту»: «Марья Андреевна – лицо решительно неживое: она вся сочинена; впечатление, оставляемое ею, неясно, и, скажем более, сам автор это чувствует. Доказательством справедливости нашей догадки служат, между прочим, слова, вложенные г. Островским в уста бедной невесты, с явным намерением пояснить ими её характер. Когда, например, Марья Андреевна, в пятом акте, уже решившись выйти за Беневоленского, говорит: “Страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мне нужна: для неё будет благородное употребление” (она собирается исправить мужа), мы, переменив местоимение из первого лица в третье, очень хорошо понимаем, что автор так о ней думает и желает, чтобы и мы были такого же мнения о ней; но мы никак не можем верить, что Марья Андреевна сама могла действительно произнести эти слова» [Тургенев. Сочинения 5: 393].

Наконец, в романе Мерича с Марьей Андреевной Тургенев не мог не почувствовать прямую пародию на свою философию любви. Оставленная князем Н. Лиза в тургеневской повести говорит: «Что делать! я чувствую, что я до гроба его любить буду. <...> Все меня теперь обвиняют, все бросают в меня камнями. Пусть! Я бы всё-таки не променяла своего несчастья на их счастье... нет! нет!.. Он недолго меня любил, но он любил меня!» [Тургенев. Сочинения 5: 228].

У Островского такой взгляд на любовь утверждает эгоист Мерич. Узнав о готовности Марьи Андреевны выйти замуж, пожертвовав собой ради бедной матери, Мерич говорит: «Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андреевна! Вы созданы для того, чтобы быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдаться одному человеку. <...> Вы рассудите, Марья Андреев-

на, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни...» [Островский 1: 218].

Островский пронзительно заметил, что герой тургеневской повести недостаточно объективирован, что в его исповеди слишком очевидно присутствие голоса автора. Такой же взгляд на любовь утверждает Горский, герой другой комедии Тургенева «Где тонко – там и рвётся». Горский получает высочайшее наслаждение от любовной игры с Верой. Ради этого наслаждения он готов воспрепятствовать её браку с приятелем. На семейную жизнь Горский смотрит скептически («её можно сравнить с молоком... но молоко скоро киснет») и жениться на Вере не собирается: «Жениться? Нет, я не женюсь, что там ни говорите...» [Тургенев. Сочинения 2: 101]. «Дружба, семейное счастье, любовь?... Да все эти любезности хороши только как мгновенный отдых, а там давай Бог ноги! Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках...» [Тургенев. Сочинения 2: 112].

Поскольку Островский видит призвание женщины в семейной жизни, в воспитании детей, заключительная фраза Мерича в его комедии, напоминающая рассуждения Горского, лишена лирической окраски. Она снижает возвышенный пафос героев Тургенева и звучит прозаически пошло: «А впрочем, ещё слава Богу, что так кончилось, – будь она поглупее, так не знал бы, как и развязаться; одним упрекам не было бы конца, а ещё, пожалуй, женили бы» [Островский 1: 272].

Идеал героини Островского заключён в следующем её монологе: «Передо мной новый путь, и я его наперёд знаю. У меня ещё много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник; но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец – дети, я буду жить для детей» [Островский 1: 271].

Эти слова бедной невесты Островского полемичны не только по отношению к тургеневской Лизе из «Дневника лишнего человека», но и к судьбе его «бедной Маши» из комедии «Холостяк». Чиновник Мошкин, старый покровитель девятнадцатилетней сироты, находящейся у него на содержании, после измены жениха Маши делает ей предложение и, получив согласие, восторженно и внушительно заявляет под занавес: «А Маша будет счастлива... В этом я клянусь перед Богом! Слышите – вы свидетели. Она будет счастлива! Она будет счастлива!» [Тургенев. Сочинения 2: 267].

У Островского эти слова произносит сама героиня, далеко не безответная и умеющая постоять за себя: «Ничего, маменька, он мне нравится. Вы не

глядите, что я плачу; это так, от волнения. Мне кажется, что я буду счастлива» [Островский 1: 279]. Об этом же она говорит на прощание и Меричу: «За что же мне страдать? Рассудите сами, – ну, рассудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я, наконец, исполняю долг и спасаю мать... Нет, нет, нет!.. Я буду счастлива, буду любима...» [Островский 1: 272].

Аполлон Григорьев почувствовал полемический подтекст этих слов Марьи Андреевны, направленный против Тургенева. В статье «Русская изящная литература в 1852 году» он писал: «С другой стороны – натуральная школа всё участие зрителя насильственно сосредоточила бы на лице Платона Марковича, внушила бы ему глубокую, слезливую, бессознательную и в особенности *приличную* старику страсть к Марье Андреевне, – как Макару Алексеевичу Девушкину или Мошкину, и под конец – выдала бы за него замуж Марью Андреевну с разбитым, подразумевается, сердцем» [Григорьев 1967: 63–64].

Чуткий Тургенев уловил полемичность позиции Островского и рецензией на «Бедную невесту не ограничился. С воззрениями Островского на любовь и назначение женщины он продолжил косвенный спор и дальше, в повести «Переписка». Над VI и VII письмами этой повести Тургенев работал в апреле 1852 г., в разгар своей полемики с драматургом.

Героиня повести Марья Александровна признаётся в переписке своему корреспонденту: «Вы со мной наверно согласитесь, что мы, женщины, по крайней мере, те из нас, которые не удовлетворяются обыкновенными заботами домашней жизни, получаем своё окончательное образование всё-таки от вас – мужчин: вы на нас имеете сильное и большое влияние»... [Тургенев. Сочинения 6: 171].

Склоняясь к браку, но не испытывая любви к молодому соседу, Марья Александровна просит совета у своего приятеля: «Если вы точно чувствуете ко мне дружбу, если вы точно меня не забыли, вы должны помочь мне, вы должны рассеять мои сомнения... <...> “Всё это пустяки, турусы на колесах, – говорил мне вчера мой дядя, – <...> муж, дети, горшок щей; за мужем и детьми ухаживать, а за горшком наблюдать – вот что нужно женщине...” Скажите, ведь он прав?» [Тургенев. Сочинения 6: 177].

Тургеневский герой отвечает: «Одни иезуиты утверждают, что всякое средство хорошо, лишь бы достигнуть цели. Неправда! неправда! С ногами, оскверненными грязью дороги, недостойно войти в чистый храм» [Тургенев. Сочинения 6: 178–179].

Тургенева прельщала идеальная смысл любви, многообещающая её тайна, в которой он видел залог бессмертия. Именно в счастливые минуты первой влюблённости открывался Тургеневу таинственный небесный свет. Любимую девушку этот свет превра-

щал в ангелоподобное существо. Но с её неизбежным заземлением исчезало очарование, и улетала любовь... Тургенев поэтизировал одухотворённую и бесплотную влюблённость, чистую и возвышенную, но беспредельно далёкую от семейных радостей и забот.

Полемичность романтической прозы Тургенева по отношению к Островскому почувствовал А.Ф. Писемский, который 30 мая (11 июня) 1855 г., обращаясь к Тургеневу, сказал: «Вступить за романтизм в наше время – дело нужное и честное, и Вы один из современных писателей могли бы, кажется, сделать это по свойствам Вашего таланта и по условиям Вашего развития, словом, по всему Вашему внутреннему нравственному складу. Островский, выводя Бородинских, Машей, ничего не сделает» [Переписка 2: 22].

В письме к П.В. Анненкову от 14 марта 1853 г. из Спасского, где приехавший к изгнаннику Щепкин прочёл в рукописи комедию «Не в свои сани не садись», Тургенев чётко выразил своё отношение к новой пьесе Островского и к литературно-творческой позиции «молодой редакции» «Москвитянина»: «Прочёл её он отлично, и впечатление она произвела большое – но у меня всё из головы не выходило “Pere de famille” [«Отец семейства»] и другие драмы Дидро – с сильной начинкой естественности и морали – я не думаю, чтобы эта дорога вела к истинному художеству» [Тургенев. Письма 2: 137–138].

Ссылаясь на Дидро, Тургенев не принимает в комедии Островского идеализацию купеческого быта и пародийно-сатирическое изображение молодого дворянина Вихорева.

После драматических событий июньских дней в революционном Париже 1848 г., свидетелем которых Тургенев оказался, автор «Записок охотника» пришёл к убеждению, что творческой силой истории является не народ, а тонкий культурный слой общества. В России первой половины XIX в. этот слой был дворянским по преимуществу. В письме к А.И. Герцену от 26 сентября (8 октября) 1862 г. Тургенев заявлял: «Роль образованного класса в России – быть передателем цивилизации народу, с тем чтобы он сам уже решал, что ему отвергать или принимать – это, в сущности, скромная роль – хотя в ней подвизались Пётр Великий и Ломоносов, хотя её приводит в действие революция – эта роль, по-моему, ещё не кончена. Вы же, господа, напротив, немецким процессом мышления (как славянофилы) абстрагируя из едва понятой и понятной субстанции народа те принципы, на которых вы предполагаете, что он построит свою жизнь – кружитесь в тумане – и, что всего важнее, в сущности *отрекаетесь от* революции, потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор par excellence [по преимуществу] – и даже носит

в себе зародыши такой буржуазии в дублёном тулупе, тёплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности – что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах. Далекое нечего ходить – посмотри на наших купцов» [Тургенев. Письма 5: 51–52].

По этой причине Тургенев не принимал в творчестве Островского «добродетельных людей в дегтярных тулупах» и отрицательно относился к ироническому изображению дворян, людей «цивилизованных». Так, в письме к братьям Колбасиным он называет комедию «Доходное место» «невыносимой вещью», а П.В. Анненкову 3 (15) апреля 1857 г. заявляет: «Вы мне расхвалили из рук вон вялую, плохую, тупую комедию Островского, где, кроме лица Юсова (и то только в 3-м акте) – всё остальное нестерпимо грубо и мертво. Точно замороженные свиные туши. Я, понадеясь на Вас, вздумал читать её вслух одному русскому (очень милостивому и умному) семейству... Мы заныли, застыли, завывали от скуки и тоски. Всё сказанное мною я готов подписать кровью – и отныне я в будущность Островского не верю» [Тургенев. Письма 3: 117].

Не принимая у Островского острую социальную характеристику дворянства, Тургенев писал А.А. Фету: «Но до чего может пасть талант! Читали Вы последнюю его комедию “Бешеные деньги”?» [Тургенев. Письма 8: 205].

1 (13) января 1876 г. Тургенев писал Анненкову: «“Волки и овцы” мне также не понравились вообще...» [Тургенев. Письма 11: 187].

7 (19) февраля 1878 г. Тургенев сообщал тому же Анненкову: «Прочли ли Вы в 1-м № “Отечественных записок” “Последнюю жертву” Островского? Боже! Боже! до чего может упасть талант человека! Страшно даже!» [Тургенев. Письма 12. 1: 279].

Большие надежды Тургенев связывал с исторической хроникой Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», ожидая «нечто великое – во всяком случае, замечательное» [Тургенев. Письма 4: 321]. Ему хотелось увидеть в Минине яркую личность, русского Дон-Кихота, энтузиаста, служителя идеи, высоко стоящего над толпой. По убеждению Тургенева, «масса людей всегда кончает тем, что идёт, беззаветно веруя, за теми личностями, над которыми она сама глумилась, которых даже проклинала и преследовала, но которые, не боясь ни её преследований, ни проклятий, не боясь даже её смеха, идут неуклонно вперёд, вперив духовный взор в ими только видимую цель, ищут, падают, поднимаются, и наконец находит...» [Тургенев. Сочинения 8: 180].

Таких ожиданий Тургенева Островский, конечно, не оправдал. В тургеневских откликах на «Минина» сквозит глубокое разочарование.

26 февраля (14 марта) 1862 г. он пишет В.П. Боткину: «...мне он показался бессильной и вялой вещью, написанной превосходнейшим языком – с несколькими прелестными *лирическими* проблесками – как, например: песенка служанок во втором акте, но драмы нет и помина, характеры не живые и вообще от всего “Минина” веет чем-то Карамзинисто-Загоскиноватым. Я могу ошибаться – но не того я ожидал от Островского. Что-то пухлое без мышц и крови... Вот увидишь. Но язык, повторяю – образцовый. Эдак у нас ещё не писали» [Тургенев. Письма 4: 345].

2 (14) марта 1862 г. Тургенев сообщает Ф.М. Достоевскому: «На днях я прочёл “Минина” – и, говоря по совести, – остался холоден. Стихи удивительные, язык прекрасный – но где жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где История наконец? Я совсем другого ожидал от Островского – я никак не думал, что и он станет вытягивать каждый характер в одну струнку. Есть места чудесные – надо всем произведением веет чем-то чистым, русским, мягким – но этого мало... особенно от Островского этого мало» [Тургенев. Письма 4: 348].

5 марта того же года он пишет А.А. Фету: «Разве весь “Минин” не вышел из мирозерцания, в силу которого Островский сочинил Русакова в “Не в свои сани не садись”? А в то время он ещё не слушался *профессоров* [речь идёт о М.П. Погодине и С.П. Шевыреве. – Ю. Л.]. Написать бедноватую хронику с благочестиво-народной тенденцией – с обычными лирическими умилениями, написать её красивым, мягким и беззвучным языком – ум мог бы помешать этому – а уж никак не способствовать. Ахиллесова пята Островского вышла наружу – вот и всё» [Тургенев. Письма 4: 351].

Однако в «Воспоминаниях о Белинском» («Вестник Европы». 1869. № 4) Тургенев сказал: «Как бы порадовался он [Белинский. – Ю. Л.] поэтическому дару Л.Н. Толстого, силе Островского, юмору Писемского, сатире Салтыкова, трезвой правде Решетникова!» [Тургенев. Сочинения 14: 57].

Тургеневские слова о «силе» Островского вызвали недоумение Писемского, который 24 октября (5 ноября) 1869 г. обратился к Тургеневу: «Сколько мне помнится, Вы этого качества никогда не признавали за Островским» [Переписка 2: 33]. Тургенев отвечал: «Вы удивляетесь слову “сила”, употреблённому мною при оценке Островского; но это слово в понятии моём относилось не к теперешнему Островскому, автору водянистых исторических драм и т. п., – а к старому, прежнему Островскому, творцу “Своих людей” и др.» [Тургенев. Письма 8: 125].

Отношение Тургенева к творчеству позднего Островского оставалось противоречивым. В.В. Стасов в письме от 13 (25) октября 1871 г., касаясь комедии «Не всё коту масленица», писал Тургеневу:

«Этакая гибель таланта, верного схватыванья характеров, этакое мастерство в “разговоре”, а между тем всё вместе – преглупая и пренелепая вещь. Читаешь, читаешь – удивительно! а кончил – закрываешь книгу с досадой на пустяки и глупости (что за пуганье ножом, что за развязка и т. д.!). Вот этого странного соединения таланта с нехваткою ума, мне кажется, нигде не найдёшь в Европе, кроме нас» [Переписка 2: 312].

Тургенев отвечал на это письмо 15 (27) октября 1871 г.: «Я только что прочёл комедию Островского в “Отечественных записках” – и вынес впечатление, весьма подобное Вашему. Причину этого – и однородных ему явлений – в немногих – да и во многих – словах уяснить нелегко. Тут, кроме недостатка образования, действует и однообразность (у нас), замкнутость исключительно литературной жизни. Островский, например, никогда, ни на один миг, не выходит из круга собственной атмосферы. Мастерство зреет в уединении, приёмы и формы усовершенствуются – а содержание чахнет и скудеет. Даже у тех писателей русских, которые, как говорится, следят за *идеями* – за “веяниями” – это делается – если не книжно – то журнально, что едва ли не хуже» [Тургенев. Письма 9: 148–149].

Глубинный демократизм творчества Островского казался Тургеневу ограниченным и связывался им с недостатком образования и слабым развитием в России общественной жизни. Отсюда, как правило, Тургенев высоко ценил язык Островского и сетовал на скудость содержания его пьес. Прочитав драму «Грех да беда на кого не живёт», Тургенев пишет Анненкову в феврале 1863 г.: «Боткин <...> доставил мне первый номер “Времени”: я, разумеется, тотчас с жадностью прочёл драму Островского. Я понимаю, что она должна иметь большой успех на сцене: но мне, кроме Афони и Архипа – мотивы показались знакомыми. О языке говорить нечего – и сцены есть прекрасные (сцена между Афоней и Архипом на берегу реки – прелесть) – но неужели Островский не может отделаться от Бабаевых, бойких девиц и т. д.?» [Тургенев. Письма 5: 102].

В то же время Тургенев оценил антикрепостнический пафос «Воспитанницы». 16 (28) января 1859 г. он писал Фету: «Заставьте Островского прочесть Вам свою новую комедию – прелесть» [Тургенев. Письма 3: 266]. А в ответ на кислый отзыв Фета о драме «Гроза» Тургенев в письме от 28, 29 ноября (10, 11 декабря) 1859 г. заявлял: «Фет! помилосердуйте! Где было Ваше чутьё, Ваше пониманье поэзии, когда Вы не признали в “Грозе” (Островский читал её у меня вчера) удивительнейшее, великолепнейшее произведение русского, могучего, вполне овладевшего собою таланта? Где Вы нашли тут мелодраму, французские замашки, неестественность? Я решительно ничего не понимаю – и в первый раз гляжу на Вас (*в этой*

рода вопросе) с недоумением. Аллах! какое затменье нашло на Вас?» [Тургенев. Письма 3: 375].

В пьесе Островского «Старый друг лучше новых двух» Тургеневу понравилось «превосходно нарисованное лицо “Оленьки”» [Тургенев. Письма 4: 179]. В письме к И.П. Борисову от 16 (28) марта 1865 г. он восхищался «Воеводой»: «Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! Последний акт (особенно где воевода бегаёт за своей невестой, чтобы *защекотать её насмерть*) плох; но 2-й и 3-й это совершенство! Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене “Домового”. Ах, мастер, мастер этот бородач! Ему и книги в руки. Вот уж у него нет “искания мелкой букашки”, *de la petite bete*, как говорят французы. Сильно он расшевелил во мне литературную жилу» [Тургенев. Письма 5: 365].

Отличалась от общего хора отрицательных голосов высокая тургеневская оценка «Снегурочки». «Вследствие худого отзыва Буренина в “Санкт-Петербургских ведомостях” я немедленно принялся за чтение “Снегурки” – и во всяком случае пленён красотой и лёгкостью языка! Нет, Островский не истощён – и он может ещё повторить грибоедовское: “Вы, нынешние, ну-тка!”» [Тургенев. Письма 10: 157].

6 (18) июня 1874 г. Тургенев писал Островскому: «В Петербурге я видел “Лес”. Разыграна пьеса была довольно плохо – но какая это прелесть! Характер “трагика” – один из самых Ваших удачных» [Тургенев. Письма 10: 247].

Тургенев приложил немало усилий, чтобы познакомить с творчеством Островского западноевропейского читателя. В середине 1860-х гг. он установил дружеские связи с английским фольклористом, критиком, историком литературы Вильямом Рольстоном (1828–1889), который знал русский язык и специализировался в области русской литературы и фольклора. 7 (19) октября 1866 г. Тургенев пишет Рольстону: «Я не могу не порадоваться вашему намерению более широко знакомить ваших соотечественников с нашей литературой. Не говоря уже о Гоголе, я полагаю, что произведения графа Льва Толстого, Островского, Писемского, Гончарова могут представить интерес, поскольку в них отразилось новое понимание поэзии и способов её выражения; нельзя отрицать, что со времени Гоголя наша литература приобрела оригинальный характер» [Тургенев. Письма 6: 389].

Приветствуя намерение Рольстона написать статью о драматургии Островского в связи с выходом в России четырёхтомного издания его «Сочинений» (1867), Тургенев пишет 26 марта (7 апреля) 1868 г.: «С нетерпением ожидаю вашу статью об Островском в “Edinburgh Review”; уверен, что это новая величина в драматическом мире» [Тургенев.

Письма 7: 372]. Статья Рольстона об Островском (The Modern Russian Drama. Ostrovsky's plays. «Edinburgh Review», 1868, VII) явилась одной из первых попыток познакомить с Островским западноевропейского читателя. В конце 1868 года она вышла во французском переводе («Revue Britannique», 1868, t. XII).

6 (18) июня 1874 г. Тургенев писал Островскому: «Любезнейший Александр Николаевич, пишу к Вам из своей деревни, куда приехал вчера. <...> Вот в чём дело. Есть на свете один французский писатель, по имени Э. Дюран, который весьма порядочно знает по-русски. Он занимается переводами – и я ему порекомендовал Ваши пьесы, начиная с “Грозы”, как более доступной и понятной французам. Он её и перевёл – и очень недурно; мы вдвоём её прошли тщательно – я все ошибки исправил – и с наступлением зимы она, если Ваше на то будет согласие, наверное будет напечатана – а может быть, даже поставлена на одном из хороших парижских театров. В самый день моего отъезда Дюран, который пришел в восторг от “Грозы”, принёс мне тщательно переписанную рукопись – с тем чтобы я показал Вам её и узнал Ваше мнение. <...> Теперь прошу у Вас следующего разрешения: или Вы поверите мне на слово, что перевод хорош, и пришлёте мне позволение её печатать и отдать, если можно, на сцену (разумеется, я постараюсь сделать это так, чтобы соблюсти Ваш интерес) – либо Вы пожелаете посмотреть-таки рукопись. Тогда напишите мне слово в Москву <...> А познакомить Европу с Вами мне вот как хочется!» [Тургенев. Письма 10: 246].

В дошедшем до нас черновом автографе ответного письма от 14 июня 1874 г. Островский сообщал: «Многоуважаемый Иван Сергеевич! Благодарю Вас за хлопоты обо мне. В деле, о котором Вы мне пишете, мне остаётся только совершенно довериться Вам и благодарить Вас. Напечатать “Грозу” в хорошем французском переводе не мешает, она может произвести впечатление своей оригинальностью; но следует ли её ставить на сцену – над этим можно задуматься. Я очень высоко ценю умение французозов делать пьесы и боюсь оскорбить их тонкий вкус своей ужасной немелостью. С французской точки зрения, постройка “Грозы” безобразна, да надо признаться, что она и вообще не очень складна. Когда я писал “Грозу”, я увлёкся отделкой главных ролей и с непростительным легкомыслием отнёсся к форме, да и при том же торопился, чтобы поспеть к бенефису покойного Васильева. Теперь я сумею сделать пьесу немного хуже французозов и, если хотите, пришлю Вам оригинал “Грозы”, переделанный для французской сцены» [Островский 11: 470].

Реализовал ли Островский своё намерение переделать «Грозу», неизвестно. В черновике письма на этот счёт нельзя не уловить некоторой иронии.

Да и благородные намерения Тургенева не осуществились. Он хотел поместить «Грозу» в «Revue des Deux Mondes», но попытка не увенчалась успехом. Перевод «Грозы» вместе с другими пьесами Островского («Не в свои сани не садись», «Снегурочка») Дюран опубликовал лишь в 1889 г. Не удалось поставить «Грозу» в переводе Дюрана и на французской сцене.

Личные отношения между писателями оставались неизменно доброжелательными. В последний раз Тургенев встречался с Островским в 1880 г. на празднествах по случаю открытия памятника Пушкину в Москве. В письме от 3 (15) июня 1880 г. к одному из организаторов праздника, филологу Л.И. Поливанову, Тургенев сообщал: «Сейчас приехали сюда Островский (А. Н.) и Потехин. Их, как отличных чтецов, мы тотчас завербовали – Островский готов прочесть сцену из «Русалки», Потехин – отрывок из «Полтавы». Островский также готов произнести *тост* за обедом по поводу *литературной* семьи Пушкина. Кажется, его мне назначали – но я, конечно, с радостью уступаю» [Тургенев. Письма 12. 2: 267–268].

Примечания

¹ Новое время. 1879. 19 января. № 1039, подпись: «Незнакомец».

² «Москвитянин». 1851. Ч. 2. Отд. 5. С. 108.

Список литературы

Григорьев А.А. Литературная критика. Москва: Худож. лит, 1967. 631 с.

Григорьев А.А. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург: Н.Н. Страхов, 1876. 672 с.

Лакишин В.Я. Александр Николаевич Островский. Москва: Искусство, 1976. 526 с.

Максимов С.В. Литературные путешествия. Москва: Современник, 1986. 413 с.

Назарова Л.Н. Островский и Тургенев // А.Н. Островский и литературно-театральное движение XIX–XX веков. Ленинград: Наука, 1974. С. 117–120.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Москва: Искусство, 1973–1980.

Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. Т. 2. Москва: Худож. лит, 1986. 531 с.

Станиславский К.С. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. Москва: Искусство, 1954. 516 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1960–1968.

References

Grigor'ev A.A. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]. Moscow, Khudozh. Lit Publ., 1967, 631 p. (In Russ.)

Grigor'ev A.A. *Sochineniia. T. 1* [Works. Vol. 1]. St. Petersburg, N.N. Strakhov Publ., 1876, 672 p. (In Russ.)

Lakshin V.Ia. *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskii* [Alexander Nikolaevich Ostrovsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 526 p. (In Russ.)

Maksimov S.V. *Literaturnye puteshestviia* [Literary travels]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986, 413 p. (In Russ.)

Nazarova L.N. *Ostrovskii i Turgenev* [Ostrovsky and Turgenev]. *A.N. Ostrovskii i li-teraturno-teatral'noe dvizhenie XIX–XX vekov* [A.N. Ostrovsky and the literary and theatrical movement of the XIX–XX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 117–120. (In Russ.)

Ostrovskii A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete works: in 12 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973–1980. (In Russ.)

Perepiska I.S. Turgeneva: v 2 t. T. 2. [Correspondence of I.S. Turgenev: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, 531 p. (In Russ.)

Stanislavskii K.S. *Sobr. soch.: v 8 t. T. 1.* [Works: in 8 vols. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954, 516 p. (In Russ.)

Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 t.* [Complete works and letters: in 28 vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1960–1968. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.